

А Ин вздохнула и сказала:

— Как же я, мать, могу не думать о тебе? Только надеюсь, что ты будешь способнее отца с матерью, найдёшь способ выкупиться и перестанешь быть слугой...

Как только она произнесла эти слова, у неё на глазах выступили слёзы. Хуа Чжаошуй тут же подошёл ближе и вытер ей слёзы рукой.

— Мама, со мной всё в порядке.

Они только начали разговор по душам, как услышали крик:

— А Ин!

Радостное выражение лица Хуа Чжаошуя мгновенно исчезло.

— Мама, тебя зовут.

А Ин погладила его по щеке и ответила тому, кто звал:

— Хорошо, потерпи, скоро праздник, и сможешь вернуться домой.

— А Ин, что ты всё здесь делаешь? Там не справляемся!

Подошла кухарка в пурпурно-красной кофте, увидела их и замерла.

— Это ведь ваш маленький Хуа? Как он сюда попал? Младший господин не здесь?

Хуа Чжаошуй уже собирался ответить, но А Ин заслонила его собой.

— Он просто проходил мимо, зашел навестить меня. Хуа, если всё в порядке, иди домой.

Хуа Чжаошуй не понял, в чём дело, но почувствовал странный тон А Ин, потому согласился. Он уже собирался уходить, как снова услышал голос кухарки:

— Не торопись уходить! Мы всё время интересуемся, сколько можно получить наград за такую службу господину?

— Какую службу? — Хуа Чжаошуй почувствовал странный тон. Он повернулся к А Ин и увидел, что лицо его матери стало мрачным, поэтому больше ничего не сказал.

Кухарка рассмеялась.

— Ой, да это же не редкость, что тут секретить? Многие хотят забраться в постель к господину, но не у всех получается. А если получается, значит, ты умелец.

Лицо А Ин покраснело, и она резко ответила:

— Сестра Чжан, что это за разговоры? Сплетен и так полно, но без доказательств лучше не болтать.

Сестра Чжан сказала:

— Конечно, без доказательств. Ведь никто не может спрятаться под кроватью второго господина, чтобы найти улики.

Сказав это, она снова расхохоталась и, махнув рукой, ушла.

Хуа Чжаошуй наконец понял, о чём шла речь. В порыве гнева он схватил руку А Ин.

— Мама, я этого не делал!

А Ин похлопала его по руке.

— Я знаю, я знаю. Хороший мальчик, ты иди домой, а то если задержишься, это будет нехорошо для тебя.

Хуа Чжаошуй наконец понял, почему А Ин всё время торопила его уйти — слухи во дворах всегда быстрее всего распространяются через кухню, где много людей и языков, и неизвестно, во что может превратиться одно событие.

Хуа Чжаошуй давно знал, что такие слухи пойдут, но всё равно чувствовал тяжесть в груди. Всю дорогу он пытался успокоить себя и только через некоторое время смог прийти в себя. Он думал: «Господин всегда такой, странно было бы, если бы о нём не сплетничали. Но ведь это господин, и даже если бы он действительно заставил его служить в постели, он бы не посмел отказаться. Жизнь важнее, а репутация — что это такое?»

Он вздохнул и подумал, что такова его судьба, и ничего с этим не поделаешь. Мать всегда говорила, что они обременяют его, а теперь и он обременяет их.

Хуа Чжаошуй вернулся во двор в подавленном настроении. Обычно у него всегда был хороший аппетит, но сегодня несколько слов лишили его ужина, и он без дела суетился в комнате господина.

Хуа Юнь заметила, что он не поел, и подошла проверить. Увидев, что он на грани слёз, она удивилась:

— Ой, что случилось? Кто тебя обидел? Так разозлился, что даже не поел? Господин узнает, и будет над тобой подшучивать.

Она потянула его к выходу.

— Сначала поешь, а потом будешь злиться.

Хуа Чжаошуй откликнулся, не желая беспокоить её, и с усилием спросил:

— А что сегодня на ужин?

Хуа Юнь улыбнулась ему.

— Господин сказал, что ты любишь кашу с крабовым мясом, и специально велела оставить тебе миску. Но ты так долго не приходил, она остыла, я велела подогреть.

Хуа Чжаошуй снова вздохнул, думая: «Господин хорошо ко мне относится, я не должен был жаловаться на него в душе, сплетни других людей к нему не имеют отношения».

Хуа Юнь, услышав его вздох, похлопала его по руке.

— О чём ты вздыхаешь? Листья ещё не опали, а ты уже вздыхаешь, как будто тебе семьдесят лет.

Хуа Чжаошуй усмехнулся:

— Не буду вздыхать, каша с крабовым мясом — о чём тут вздыхать?

Хуа Юнь сидела рядом с ним, пока он ел, и осторожно выведала всё, что его беспокоило. Она улыбнулась:

— Оказывается, из-за этого ты злился. Сестра Чжан, жалкая и ненавистная, не обращай на неё внимания.

Хуа Чжаошуй удивился:

— Почему жалкая и ненавистная?

Хуа Юнь вздохнула.

— Её дочь два года назад бросилась в колодец. Раньше она работала во дворе господина — но только подрезала траву и цветы, не служила в комнате.

— Бросилась в колодец? — Хуа Чжаошуй даже отложил ложку. — Почему?

— Грустная история, её собственная мать довела, — Хуа Юнь выглядела недовольной. — Однажды мать твоей сестры Ли Ци заболела, и господин дал ей несколько лянов серебра, чтобы она могла вернуться и ухаживать за матерью. Сестра Чжан узнала об этом и стала думать, что Ли Ци имеет с господином нечистые отношения. Она несколько раз подстрекала свою дочь, но та не поддавалась, и она начала бить её — Будда милостив, ты бы видел, как она выглядела, вся в синяках.

Хуа Чжаошуй был шокирован.

— А... господин знал об этом?

Хуа Юнь с грустью улыбнулась.

— Знает или нет, какая разница? Просто дал немного денег, чтобы успокоить, ведь человек уже умер, и ничего не изменишь.

Она легонько постучала ручкой веера по его руке.

— Ешь быстрее, и не злись больше из-за таких вещей. В этом большом дворе кто не слышал пару слов о себе?

Хуа Чжаошуй кивнул и не удержался от слов:

— А... я думаю, господин не такой злой, как о нём говорят.

Как только он произнес это, Хуа Юнь прикрыла лицо веером и слегка кашлянула.

Хуа Чжаошуй резко обернулся и увидел, что господин стоял за его спиной, неизвестно с какого времени. Увидев, что Хуа Чжаошуй посмотрел на него, он подошёл ближе и спросил:

— Что обо мне говорят, расскажи?

Хуа Чжаошуй испугался и чуть не подпрыгнул. Шэн Цзяньвэй подошёл, нажал на его плечо,

сел рядом и сказал:

— Куда ты бежишь? Расскажи мне.

Хуа Чжаошуй растерялся и посмотрел на Хуа Юнь за помощью, но та, увидев взгляд господина, улыбнулась ему и вышла.

— На кого ты смотришь? — Господин ткнул его в руку. — Наелся?

Хуа Чжаошуй с опаской положил ложку.

— Господин, я наелся, я... я уберу.

— Я сказал, не двигайся. Расскажи, что говорят?

Хуа Чжаошуй избегал его взгляда.

— Господин, это не я говорил, это не имеет ко мне отношения.

Шэн Цзяньвэй выглядел в хорошем настроении и не стал его дальше мучить, а скорее пошутил:

— Почему ты только сейчас поел, ждал меня?

Хуа Чжаошуй замешкался, решив, что лучше не врать, но не смог быстро придумать подходящий ответ, и снова замялся, не проронив ни слова.

На улице уже стемнело, во дворе зажгли фонари, а в комнате только что зажгли свечи, ещё не успели накрыть их абажурами, и пламя колебалось. Шэн Цзяньвэй сегодня был терпелив и, видя, что Хуа Чжаошуй молчит, не стал настаивать, а просто спросил:

— Постель приготовлена?

Хуа Чжаошуй, услышав, что тема сменилась, тут же облегчённо вздохнул и поспешно кивнул:

— Приготовлена, господин, переодевайтесь.

Шэн Цзяньвэй ничего не сказал, а просто протянул руку, чтобы тот помог ему раздеться. Хуа Чжаошуй встал и начал снимать с него верхнюю одежду, желая поскорее выбраться из комнаты, и спросил:

— Господин, я пойду велю нагреть воду для ванны?

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него.

— Хочешь помочь господину помыться?

Хуа Чжаошуй сжал пальцы, держа его одежду, и нервно сказал:

— Господин, я сначала уберу стол.

Шэн Цзяньвэй рассмеялся, видя его напряжённость, и махнул рукой:

— Иди.

Когда Хуа Чжаошуй вернулся, господин уже помылся и сидел при свете лампы, читая что-то.

Его длинные волосы были распущены, и кончики слегка намочили. Хуа Чжаошуй встал позади него и начал вытирать ему волосы.

Когда волосы высохли, Шэн Цзяньвэй обернулся к нему и сказал:

— Я хочу тебе кое-что сказать.

С Новым годом! Счастья в год Тигра!

P.S. Сегодня при отметке появилось много морских звёзд, не дадите мне немного? Спасибо!

<http://bllate.org/book/16756/1562760>